

Модест Петрович Мусоргский был одним из образованнейших людей своего времени. Он обладал исключительной широтой научного кругозора. Его высказывания, касающиеся вопросов искусства, науки, философии, свидетельствуют о наличии продуманной эстетической концепции. Она представляет значительный интерес, поскольку сила многогранного таланта Мусоргского умножалась *верным идейно-творческим направлением*.

За более чем вековой срок, истекший со дня смерти Мусоргского, издано много трудов, ему посвященных. Но эстетическая проблематика творчества композитора до сих пор не стала предметом специального исследования, за исключением нескольких статей, в том числе работ Асафьева.

Настоящая работа ставит задачей раскрыть диалектическую связь эстетических исканий Мусоргского с его творчеством — композитор творил, не подчиняясь теории, а создавая теорию, зачастую опережая на практике то, что он утверждал в ней. Это не значит, что между его эстетикой и творчеством был разрыв. Нет, в основном эстетическая концепция Мусоргского в ее теоретическом выражении и в творческом осуществлении — едины. Изучение эстетических воззрений композитора, соотнесение их с его музыкой представляет большой интерес.

Мусоргский жил в трудное для России время: «Проклятые вопросы российской действительности рождали интенсивную работу мысли и к концу столетия сложились

в напряженном времени террористических актов, казней, подвигов, предательств, примеров великой верности идее и измен ей, резко меняющихся друг с другом этапов спада и подъема общественного движения»¹.

Преобразующая общество энергия не находила выхода в революции (как это было во Франции, например), и с тем большей силой эта энергия устремлялась в искусство. Литература, театр, живопись стали той «трибуной» (по выражению Герцена), с которой звучали горькие истины о российской действительности. Мусоргский понимал, что музыка не может оставаться в стороне от насущных вопросов современности, и целью своего творчества поставил сделать музыку по ее общественно-эстетической значимости равной литературе, театру и живописи.

В своих исследованиях он видел опору в творчестве художественных деятелей, близких ему по духу в решении этой проблемы. Поэтому представляется важным рассмотрение круга чтения, театральных впечатлений, музыкальных симпатий и антипатий, общений композитора с живописцами, скульпторами и архитекторами, ибо все это формировало его эстетические взгляды на его творчество.

Художественные же нормы и принципы Мусоргского принципиально индивидуальны. Так, музыка его опирается на монодические лады², рожденные народным ладовым мышлением, что вполне соотносится с его личным мироощущением. Отсюда — совершенно индивидуальное использование композитором средств мелодии, гармонии, ритмики, фактуры, что зачастую не совпадало с эстетическими

¹ Сарабьянов Д. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М., 1980. С. 150.

² Вопрос о различии между монодическими и гармоническими ладами освещается в статье: Бершадская Т. К вопросу об устойчивости и неустойчивости в ладах русской народной песни // Проблемы лада. М., 1972.

критериями и художественными нормами творчества даже близких ему по духу музыкантов; это вело к непониманию устремлений Мусоргского, не говоря уж об откровенной хуле его идейных противников. В этом его трагедия художника-новатора, идущего в искусстве своими путями, не обретшего при жизни союзников и последователей.

Работа посвящена рассмотрению собственно эстетических идей, широко представленных как в эпистолярии, так и в творчестве Мусоргского. Эстетические искания композитора сосредоточивались вокруг проблем народности, реализма, правды, красоты, трагического и комического. Поэтому в данной работе этим эстетическим категориям отведено центральное место.

Последовательное стремление Мусоргского к жизненной правде не могло не прийти в противоречие с канонами идеалистической эстетики, утверждавшей, что в музыке отсутствует понятийное начало. Разрешение этой коллизии Мусоргский видел в создании такой музыкальной формы, в которой существовала бы подвижная связь элементов драматических, описательных, лирических, что предопределяло бы непрестанную смену настроений, одновременное сочетание нескольких музыкальных мыслей, образное перевоплощение. Правда жизни, выраженная языком музыки, виделась ему в правдивом воспроизведении человеческого говора: «Это жизненная проза в музыке (курсив мой. — Л. Ж.), это не пренебрежение музыкантов-поэтов к простой человеческой речи, не одеть в геройскую робу, — это уважение к языку человеческому, воспроизведение человеческого говора»¹.

На пути преодоления барьера между жизненной правдой и спецификой искусства музыки Мусоргский чувствовал опору в творчестве «смелого европейца Берлиоза».

¹ Мусоргский М. Литературное наследие. М., 1971. Т. 1. С. 100.